

Мои значимые другие*: Зенита, Сусана, Иланка

Часть 1

Светлана Бойм

* В оригинальном названии используется термин *significant others* — множественное число от *significant other*. «Значимый другой» — термин, введенный в научный обиход американским психиатром и психоаналитиком Гарри Стеком Салливаном (Harry Stack Sullivan, 1892–1949). Согласно Оксфордскому толковому словарю по психологии под редакцией А. Ребера, «значимый другой», в изначальной трактовке Салливана, — «любой человек, который важен и влиятелен в отношении формирования у индивида социальных норм, ценностей и личного образа Я. Обычно значимым другим является тот, кто имеет власть над человеком и представляет собой точку отсчета для принятия и отвержения ценностей, норм и моделей поведения». — *Прим. пер.*

Светлана Бойм (1959–2015). Культурный теоретик, художник, драматург и прозаик.

Перевод с английского *Александра Стругача* под редакцией *Юлии Вайнгурт* выполнен по рукописному оригиналу (Boym S. My Significant Others: Zenita, Susana, Ianka). Печатается с любезного разрешения родителей *Светланы Бойм*.

В 1977 году на Кировском проспекте, ныне снова Каменноостровском, начался ремонт дорожного покрытия. Работы затянулись на целый год. Зимой выпал снег, его, конечно, никто не убирал. Сугробы были по полтора метра высотой. Между сугробами граждане протоптали дорожки. Я помню, как ходила по этим узким скользким тропинкам на занятия в «Первый мед», перебиралась через обледеневшие горы снега, как Суворов через Альпы.

Новый год я пошла встречать на Карповку, в дом, где какое-то время до революции жил Ленин. Там даже был музей: кресла в белых чехлах, венские стулья с гнутыми спинками и жуткий серый сарафан Надежды Константиновны в стеклянной витрине. В музей нас водили на уроке истории. Мы смеялись над этим страшным сарафаном, нам всё было весело. Такие крамольные детские впечатления. Света потом напишет пьесу «Женщина, которая стреляла в Ленина», ее поставят в Гарварде, но это в другой уже жизни. А тогда, в 1977 году, снежной морозной ночью на углу Большого проспекта она ждала меня, чтобы вместе пойти встречать Новый год. Светка, Светлана, моя самая лучшая и верная подруга с десяти лет. Тоненькие ручки, худенькие ножки, внимательный взгляд темных глаз, густые брови, ресницы невиданной роскоши и улыбка до ушей. Я так до сих пор вижу ее внутренним зрением, а иногда, когда я иду по Каменноостровскому, мне кажется, что вот она стоит под снегом и ждет меня на нашем условленном месте, на том самом углу. Это бывает с теми, кто, как я, прожил всю жизнь в одном и том же районе. Ничего почти за пятьдесят лет не поменялось: те же дома, тот же снег, тот же ленинградский, петербургский, воздух.

Итак, мы пошли в сторону реки, сразу продолжив наш бесконечный разговор о том, о чем говорят все подруги с десяти до девяноста лет. О жизни, о личном, и, конечно, о любви. Шли мы по мягкому снегу, как по облаку, в морозной пустоте предновогодней ночи, почти не замечая ничего вокруг.

Лето 2015. Света — известный профессор Гарварда. Я — врач-нефролог. Нас разделяет океан, а соединяет интернет. Света в больнице, ждет операцию, она понимает, что очень серьезно больна. Я говорю ей через море и облака, через горы и реки, словно в другое измерение:

— Отвлекись, посмотри комедию какую-нибудь, фильм хороший итальянский, можно даже старый...

Она с возмущением:

— Ты что? У меня так мало осталось времени. Я должна написать то, что задумала.

— О чем?

— О том, о чем всегда собиралась написать, но так и не успела. О жизни. О личном. О любви.

И вот появляется текст, написанный по-английски, в больнице, в ожидании операции¹. Текст, до конца не отредактированный, но очень живой.

Наталья Стругач,
январь 2021

В ДЕНЬ моего рождения папа отправился на футбол. Стадион имени Кирова украшали промокшие под ленинградским дождиком алые транспаранты: «Вперед, к Победе коммунизма!», а любимая команда моего отца — ленинградский «Зенит», как всегда, проигрывала. Это ни в малейшей степени не печалило моего папу. Он был почетным членом Клуба Заядлых Болельщиков «Зенита» (КЗБЗ), и от него требовалось лишь поставить на то, одержит ли «Зенит» победу или потерпит поражение. Что действительно имело значение для заядлых болельщиков — так это сама игра и сообщество друзей, создавших свое государство в государстве, чтобы иметь возможность перекинуться парой-тройкой разрешенных анекдотов. Шел 1959 год, минуло шесть лет после смерти Сталина; в космос запустили Спутник, в Советском Союзе открылась выставка «Америка», а великий шпионский триллер Хичкока «На север через северо-запад» приводил в восторг современников — по крайней мере в Западном полушарии. После сталинской зимы наступила хрущевская оттепель и ленинградская слякоть. Вместе с потеплением официального ветра, культурная жизнь в стране начала меняться — задолго до того, как стали возможны реальные политические перемены. Разнообразные клубы по интересам, — от вязания до геологии, от футбола до кино, — выростали в официозных дворцах культуры словно грибы после дождя. У них были собственные флаги, значки, гимны и выборные процедуры, которые тактично подражали советским ритуалам. В те времена объединение КЗБЗ было самым миролюбивым среди государств народной демократии; юмор занимал здесь место официальной идеологии. В день моего рождения папа перестраховался: сделав ставку на поражение команды «Зенит», — а команда

---

1. Светлана Бойм умерла от рака 5 августа 2015 г. в возрасте 56 лет. — *Прим. ред.*

выиграла. Пребывая в приподнятом настроении, он предложил назвать своего первого (и, как оказалось впоследствии, единственного) ребенка Зенитой — в честь любимой проигравшей команды. Кроме того, у Зениты был прекрасный космический нимб, отсылающий к точке на небесной сфере, расположенной непосредственно над наблюдателем, находящимся на Земле. Моих бабушек охватила буря негодования. Несмотря на то что они редко приходили к согласию между собой, обеим нравилось имя Саша, в котором каждая буква ассоциировалась с каким-либо покойным или дальним родственником. В еврейских семьях было принято давать детям русифицированные версии иудейских имен; моего отца звали Юрий — вместо Ури, а мою маму назвали поэтическим именем Муза — вместо Мириам. Подобно другим еврейским семьям, моя собственная потеряла множество родственников, пережив войны и сталинские чистки. Тем не менее, насколько я знаю, людей с именем Саша среди них не было; это имя, таким образом, стало обобщенным коллективным посвящением. Когда мои бабушки разоблачили папин заговор, состоявший в том, чтобы назвать меня Зенитой, то были настолько обескуражены, что немедленно согласились на имя Светлана — мамино любимое. Западному человеку может представляться, что это имя имеет отношение к дочери Сталина, но в Советском Союзе у него не было столь конкретных ассоциаций. В действительности данное имя сделал популярным поэт-романтик XIX столетия Василий Жуковский. В его балладе² Светлана предстает в образе пытливой светловолосой барышни, которая желает узреть свое будущее в освещенном приглушенным светом волшебном зеркале. «О! не знай сих страшных снов/Ты, моя Светлана...», — предостерегает автор свою героиню. «Светлана» означает «само очарование»³, а в 1970-е годы это имя фигурировало также в популярной советской песне о первой любви, которая настаивает мальчика-подростка в разгар уто-

---

2. Балладу «Светлана» Василий Жуковский (1783–1852) посвятил своей любимой племяннице Саше Протасовой (1795–1829). В посвящении произведения указано «А. А. Воейковой»: выйдя замуж, Саша стала Александрой Андреевной Воейковой. Баллада была составлена поэтом в качестве свадебного подарка. Бракосочетание состоялось 14 июля 1814 г., а приданое невесты было обеспечено Василием Жуковским, продавшим для этого одну из своих деревень. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

3. В оригинале здесь использовано английское устойчивое выражение *sweetness and light* — буквально: «нежность и свет», которое традиционно переводится на русский язык как «само очарование».

нительно-нудного урока по бог знает какому предмету в девятом классе. Вы — влюбленный молодой человек, дрейфующий в бескрайнем океане скуки, предоставленный самому себе в эпоху, предшествовавшую появлению айфона, бороздящий бушующие моря собственного, еще не подключенного к сети подросткового воображения. «Сидишь за партой у окна. / Глядишь тревожно и туманно, / А за окном стоит весна, / А за окном стоит весна, / Весна по имени Светлана»⁴. У имени Светлана есть множество производных: Светка, Светик, Светочка — все с разнообразными уменьшительно-ласкательными суффиксами. Я всегда ощущала себя девочкой с множеством имен. В школе мне нравилось общаться с воображаемыми друзьями и отождествлять себя с персонажами художественной литературы. Хотя я и не получила подобающего еврейского образования, которое в те времена находилось под строжайшим запретом, но была записана «еврейкой» в графе национальность в классном журнале, в который любили подсматривать все школьные хулиганы. Восемьдесят процентов детей были записаны «русскими», а далее шли какие-то чудачки: один татарин, один грузин, один украинец, три еврея и несколько «русских», у которых в фамилиях имелись подозрительные иностранные корни, — скрытые евреи. Я принимала свое инородное происхождение с двойным воодушевлением и любила играть в шпионские игры со своей лучшей подругой, крымской татаркой по имени Оля У. Я обожала зарубежные сказки — начиная с «Русалочки», которая эмигрировала, поднявшись из великолепного подводного царства на суровую землю, и «Красной Шапочки», которая пошла по окольному пути через лес и вместе со своей бесстрашной непереваренной бабушкой перехитрила кровожадного волка. В то же время меня поминал за собой русский народный персонаж Иван-дурак, которому наказали пойти «туда, не знаю куда, принести то, не знаю что» — и он отправился в сказочное пространство или ближнее зарубежье.

Где-то к девяти годам я захотела стать пионеркой. Я вдохновлялась примером Беллы Ильиничны, полуслепой старой большевички, с которой моя бабушка провела несколько лет в лагерях ГУЛАГа в 1949–1954 годах. Превращение в пионерку обернулось для меня впечатляющим тактильным и аромати-

---

4. Слова из песни 1974 г. «Девятый класс», музыка Бориса Монастырского, слова Юрия Рыбчинского. Песня получила широкую известность в исполнении ВИА «Верные друзья».

ческим опытом. На тускло освещенной арене дворца спорта «Юбилейный» (где некогда играл «Зенит») мы выстроились в наглаженных белых рубашках и синих юбках на фоне бархатистых алых транспарантов с нанесенными на них золотым шитьем словами. Мы балансировали между детством и чем-то новым, мы были счастливы прикоснуться к своим пионерским галстукам и присоединиться к хору грядущего. Стоя в конце строя и содрогаясь от волнения, я наблюдала за тем, как наш главный пионервожатый приближался ко мне. Мне так не терпелось завязать этот узел принадлежности. Следующее, что я ощутила, — была волна перегарного дыхания пионервожатого в непосредственной близости от моего восторженного лица. Руки его тряслись, и ему едва удалось соединить края галстука. В итоге узел получился некрепким. «Пионер, — прогремел заранее записанный голос в репродукторе, — к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!» «Всегда готов!» — голос новообращенной Светы Гольдберг присоединился к хору, разве что — немного не в унисон. Мне никогда не нравились повествования о юных пионерах-героях, вроде Павлика Морозова, благочестивого мальчика, который донес на собственного отца, якобы кулака (чуть более предприимчивого крестьянина) под давлением любящей матери, но на деле — во имя своей советской Родины-Матери. Маленький советский Эдип не относился к числу моих героев. Я не питала чувств и к положительным героиням — белокурой и покорным девицам, которым часто доставался суженый. Фокус моего читательского внимания сместился на несколько столетий назад — в заморские страны — и был направлен на многострадальных и зачастую никем не понятых *femme fatales*⁵, которые обычно плохо кончали. Моими любимицами были Миледи де Винтер из романа «Три мушкетера» — та самая, с татуировкой в виде флер-де-лис⁶ на плече, а также — черноволосая и пыльная Исидора Коварубио Де Лос-Льянос, которая ловила своих неприятелей с помощью лассо в позабытом произведении американской классической литературы — романе «Всадник

---

5. *Femme fatales* — фр. роковые женщины.

6. Флер-де-лис — от фр. fleur de lys, «цветок лилии», «ирис» — популярная гербовая фигура, относящаяся к числу так называемых негеральдических естественных фигур. В разных культурах данное изображение традиционно носило различные смыслы: в диапазоне от символа плодородия и целомудрия — до знаков отличия правящих монархов. В древнерусском искусстве — «крин», символ Богоматери.

без головы»⁷ капитана Майна Рида. Еще была авантюристка-еврейка⁸ с огненными волосами в романе «Айвенго» Вальтера Скотта — Ревекка? Шошана? Я всячески стремилась спасти ее от участи второстепенного персонажа. Литература представляла нам возможность ускользнуть от повседневной советской жизни, которая порою казалась нечитабельным миром двойственных формулировок и компромиссов, где едва ли перекликалось между собой то, что произносилось вслух, и то, что при этом имелось в виду. Взаимный обмен книжками являлся альтернативной формой принадлежности, которая подразумевала не соответствие, а совместное несоответствие⁹.

В тринадцать лет я исписала свою адресную книгу неправдоподобным французско-русским именем Митя Бруни. Нам довелось испытать пылкие ласки у вестибюля станции метро «Горьковская», а затем — на крыше Петропавловской крепости¹⁰. О, нет, — вы не увидите там нацарапанную желтым мелом надпись: «Митя + Света = любовь», мы были слишком крутыми для этого. Однажды я умышленно потеряла записную книжку и мой тайный возлюбленный сделался предметом школьных пересудов. После этого Митя больше не перезвонил. Ни один из моих будущих возлюбленных, реальных или виртуальных, не дотягивал до Мити Бруни. Где-то в пятнадцать я влюбилась в поэзию, ощутив благовонный аромат, исходивший от тонкой темно-синей книжицы Осипа Манделштама, впервые переизданного в 1972 году, после тридцати пяти лет тишины. Понятия не имею, как мои родители смогли позволить себе эту книгу. Ее цена

---

7. Роман был качественно экранизирован в Советском Союзе. Кинолента «Всадник без головы» — художественный фильм советско-кубинского производства в жанре приключенческой мелодрамы с элементами стилизованного вестерна. Режиссер Владимир Вайншток (1908–1978), сценарий: Павел Финн (1940), Владимир Вайншток, на основе адаптации одноименного романа (*The Headless Horseman*, 1866) американского писателя ирландско-шотландского происхождения Томаса Майна Рида (1818–1883). Фильм вышел в прокат в СССР в июле 1973 г. Его зрительская аудитория составила почти 52 миллиона человек.

8. *La belle juive* — образ прекрасной еврейки, существовавший в европейской культуре со времен Средневековья и ставший особенно популярным в XIX в., с расцветом романтического ориентализма.

9. В оригинальном тексте применяется игра слов на основе глагола *to fit* («вписываться», «соответствовать», «подходить», «встраиваться»: *not fitting in — being misfits*).

10. Пешеходный маршрут «Невская панорама» проложен по деревянным мосткам на эксплуатируемом покрытии крепостных стен — от Государева до Нарышкина бастиона в Петропавловской крепости.

на черном рынке в те времена равнялась месячной зарплате советского инженера¹¹. Мое излюбленное стихотворение «*Золотистого меда струя*»¹², которое я скорее почувствовала, нежели до конца поняла, открылось мне в крымском поселке Коктебель, где я проводила летние каникулы. Мы наслаждались туманными холмами на морском берегу, носящими имя «груды царицы Савской», и собирали полудрагоценные камни с расходящимися прожилками, похожими на линии неправдоподобных судеб. Это были наши эфемерные талисманы, связывавшие прошлое с будущим. Стихотворение Мандельштама медленно струится по террасированным ландшафтам Коктебеля, словно золотистый медовый ручей на сухой крымской жаре. Мандельштам считал, что поэт или его идеальный читатель — это «поэтический гермафродит», который свободно перемещается между гендерами, возрастами и границами и радостно общается со своими не-современниками по всему свету. Крым олицетворял «тоску по мировой культуре», это была уникальная часть советской территории, где когда-то давным-давно переплетались судьбы греков, итальянцев, скифов, хазар, евреев, татар, армян и других народов и расцветали различные космополитические визионерские утопии — включая богемный рай для художников и поэтов в 1910-е годы и нестабильную сказочную

---

11. Цена подобных изданий, распространявшихся по большей части через неофициальные полуподпольные сети перепродажи — то есть «с рук» — могла составлять несколько десятков рублей. Но до сумм в 100 или 150 рублей (соответствующих базовым заработным платам инженеров нижнего звена и молодых специалистов) цены на такие книги доходили крайне редко. За подобные суммы, как правило, перепродавались коллекционные исторические издания, религиозные книги, альбомы по искусству с большим количеством цветных репродукций и т. д.

12. Оригинальное название этого произведения Осипа Мандельштама, под которым оно публиковалось в первых стихотворных сборниках в 1918 и 1922 г., — «Виноград». Позднее стихотворение публиковалось без названия и его стали именовать по первой строке. Мандельштам написал «Виноград» в Алуште в 1917 г. и посвятил его Сергею Судейкину (1882–1946) и Вере Боссе (1888–1982) — будущей супруге художника. Стихотворение через мифологические образы повествует о вечере, проведенном поэтом в компании друзей, вынужденных скрываться в Крыму от революции. Через три года Судейкин с супругой покинули Россию, направившись во Францию через Кавказ. Важную роль в стихотворении играют не только аллегорические отсылки к персонажам античной мифологии (аргонавты, Одиссей, Пенелопа), но и цвета («Золотой век», журнал «Золотое руно», который оформлял Судейкин), а также почти фотографические образы Тавриды: сезонные винодельческие работы и центральное пространство — виноградник, который своей строгой геометрией напоминает поэту воинственный порядок боевого построения всадников перед битвой.

страну под названием Красный Сион, — недолговечную еврейскую социалистическую сказочную республику — в 1920-е.

В стихотворении «Золотистого меда струя» прекрасная рыжеволосая хозяйка бросает взгляд через обнаженное плечо, пока ее друзья пируют за разговорами и флиртом на пороге революции и кровавой гражданской войны, знаменуя одно идеальное мгновение. В финале появляется непрощенный гость. Это Одиссей. Он возвращается домой с небывальцами, разве что его всамделишный дом — вовсе не родная Итака, а Крым/Таврида — земля изгнанников. «Одиссей возвратился, пространством и временем полный». «Улисс вернулся», — вторит стихотворец с другого континента и на другом языке. «Но где влачит судьбу земную/Тот, кто погожим днем и ночью темной/Бродил по миру, словно пес бездомный,/Никем себя прилюдно именуя?»¹³ — Улисс Хорхе Луиса Борхеса бросает взгляд через плечо, стремясь изловить собственную отважную тень.

Поэтический испанский слог Хорхе Луиса Борхеса стал моим следующим по счету любимым языком. После окончания школы я захотела изучать иностранные языки и культуру в Ленинградском государственном университете. Вот только мой папа разузнал у своего товарища по Киноклубу — университетского профессора, — что существуют неофициальные еврейские квоты и что девочка с фамилией Гольдберг никогда не сможет поступить туда, какими бы высокими ни были ее отметки. Мой отец не мог поверить, что антисемитизм пережил сталинизм, но не собирался жертвовать моим будущим ради собственных высоких идеалов. Он выяснил, что единственным местом, куда «брали евреев» по направлению гуманитарных наук в тот год, было в соответствии с неписаными нормами советской внутренней политики Испанское отделение Ленинградского государственного педагогического института¹⁴. Данное отделение было подлинным прибежищем для эксцентричных персон. Среди наших профессоров были такие, как невысокий коренастый лингвист-чародей по имени доктор Шаббес¹⁵, доцент из Баку ростом с Дон Кихота, игравший на гитаре и певший на баскском языке, преподавательница фонетики по имени Мария-

---

13. Борхес Х.Л. «Одиссея», песнь двадцать третья//Избранные стихи/Пер. Б. Дубина. М.: Carte Blanche. С. 20. (Licentia Poetica).

14. Ныне — Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (РГПУ им. А.И. Герцена).

15. В оригинальном тексте — *Dr. Shabbes* — вымышленное имя молодого начинающего преподавателя, в те годы обучавшегося в аспирантуре института.

Луиза Муньос¹⁶, которая была эвакуирована из Испании девятилетней девочкой в период гражданской войны и всегда мечтала о возвращении в родную Астурию¹⁷, небольшая группа пожилых бывших узников ГУЛАГа, которые в свои восемнадцать лет отправились добровольцами на гражданскую войну в Испании, а потом оказались в застенках, и несколько унылых советских аппаратчиков с прекрасно поставленным произношением. Их роль заключалась в том, чтобы студенты не слушали «Битлз» и придерживались допустимой длины стрижки. Именно благодаря Марии-Луизе я приобрела свой необыкновенно чистый испанский акцент, *Castellano castizo*¹⁸, который неизменно вводит людей в заблуждение. При всей нашей любви к ней она мучила нас фонетическими упражнениями, словно транслируя нам физиогномику собственной ностальгии. Это был монолог Дон Кихота о свободе: «*La liber-ta-d, Sancho*»¹⁹, — не надо мямлить, каждый звук — громко и отчетливо — пускай самый кончик вашего языка беззвучно целуется с вашими передними зубами... «*la libertad*» — это не для слабонервных». Испанское стихотворение о Красной Шапочке было еще одним обязательным для заучивания текстом: «*caperu-ci-ta-en-carnada*»²⁰. «*Caperu—c---ii—ta!*» Растягивайте губы, девочки, — словно острое лезвие, пока не будет больно... не обращайтесь на реплики персонажей! «*Ca-re-ru---ciiiii—ta*»». Я слышала, что Мария-Луиза вылетела в Мадрид первым же рейсом в самом начале перестройки. Донкихотовская Испания, которую я открыла для себя в Ленинградском государственном педагогическом институте, воображаемая страна советских эксцентрических грез, быстро превратилась в мою *patria chica*²¹. Я заинтересовалась иберийскими диалектами и языками национальных меньшинств Испании, такими как галисийский²², каталан-

---

16. В оригинальном тексте — *María-Luisa Muñoz*.

17. Астурия — провинция на севере Испании, имеющая статус автономного сообщества. Крупнейшие города — Хихон и Овьедо. Астурия имеет богатые региональные традиции, в том числе — уникальную литературу и поэзию на астурийском языке, а также музыкальные произведения для традиционного местного инструмента — астурийской волынки.

18. *Castellano castizo* — *исп.* настоящий кастильский, типичный кастильский. Кастильский диалект — официальная версия испанского языка, распространенная в центральной и северной частях Испании.

19. *La libertad, Sancho* — *исп.* «Свобода, Санчо...».

20. *Capercuta encarnada* — то же, что *Capercuta Roja* — *исп.* Красная Шапочка.

21. *Patria chica* — *исп.* малая Родина.

22. Галисийский диалект (*Variedad del castellano de Galicia, исп.*) — диалект испанского языка, вариант кастильского — язык, основанный на взаимодействии испанского и галисийского языков, распространенный в Галисии. Га-

ский или ладино²³. Эти поэтические средневековые языки были гораздо больше связаны друг с другом, нежели с центральным кастильским диалектом, который был объявлен государственным языком после воссоединения страны. Я воображала свою дальнюю родственницу — рыжеволосую испанскую еврейку Шошану, которая пробирается по залитым лунным светом дорогам Толедо, переодеваясь для своего путешествия в чужое платье и сочиняя для своих подруг стихи на разных романских языках. *Muero porque no muero* — «Умираю и не могу умереть»²⁴. Нет, вовсе не так, как у Святой Терезы, — великий мистический *conversa*²⁵. У меня это могло бы звучать так: *Vivo, porque no vivo...* («Живу и не могу жить»), *Porque la vida es sueño y los sueños sueños son* («Раз жизнь есть только сновиденье, а сновиденья только сны»). Последняя строка не принадлежит Шошане²⁶). В свои восемнадцать я дни напролет просиживала в библиотеке, вручную переписывая научные труды по общей и исторической лингвистике — от Соссюра до Амадо Алонсо²⁷, получая особое удовольствие

лисийский язык — вариант португальского языка, развившийся из средневекового галисийско-португальского.

23. Ладино — так называемый сефардский, или еврейско-испанский, язык иберо-романской подгруппы романских языков. Ладино — это группа еврейско-испанских диалектов, происходящих из различных мест Иберийского полуострова.

24. Русский писатель, философ, поэт и литературный критик Дмитрий Мережковский (1865–1941) в своей книге «Св. Тереза Иисуса» писал: «Может быть, глядя на Христа влюбленными глазами, все повторяла маленькая Терезина с неутолимою жаждою: “Дай мне, дай мне этой воды!” — и умирала, и не могла умереть от блаженства. Что это была за жажда, поймет она уже много лет спустя, когда, читая в молитвеннике слова из Песни Песней: “Да лобзает Он меня лобзанием уст своих, ибо ласки Его лучше вина!” — вся задрожит и с лицом, зардевшись, как от первого поцелуя любви, подумает: “О, какая блаженная смерть в объятиях Возлюбленного!.. О, приди, приди, — я Тебя желаю, умираю и не могу умереть!” И еще яснее поймет, когда Христос в видении скажет ей: “С этого дня, ты будешь супругой Моей... Я отныне не только Творец твой, Бог, но и Супруг”». Произведение входит в цикл-трилогию «Испанские мистики» (1940–1941), состоящий из следующих книг: «Св. Тереза Иисуса», «Св. Иоанн Креста», «Маленькая Тереза».

25. *Conversa* — исп. разговор, диалог.

26. “¿Qué es la vida? Un frenesí. / ¿Qué es la vida? Una ilusión, / una sombra, una ficción, / y el mayor bien es pequeño. / ¡Que toda la vida es sueño, / y los sueños, sueños son!” — «Что жизнь? Безумие, ошибка. / Что жизнь? Обманность пелены. / И лучший миг есть заблужденье, / Раз жизнь есть только сновиденье, / А сновиденья только сны» — отрывок из пьесы «Жизнь есть сон» (*La vida es sueño*, 1635) испанского драматурга Педро Кальдерона де ла Барка (Calderón de la Barca Hena de la Barreda y Riaño, 1600–1681).

27. Амадо Алонсо Гарсия (1896–1952) — испанский и аргентинский филолог-испанист, литературовед и переводчик, исследователь испанской поэзии рубежа XIX–XX вв., специалист в области лингвистики и истории языков и диа-

от этого чудесного ускользания в науку. Мое увлечение провансальским²⁸ и каталанским языками завершилось романом с профессором-трубадуром из Баку. Начинай с малого — так он меня наставлял. Начни свое исследование с определенной небольшой вещи, например статьи на диалекте каталанского языка. Затем ты сможешь взяться уже за нечто оригинальное и расширить круг своих изысканий. Прости, мой дорогой М. В., мне так и не удалось последовать твоему совету, хотя он сопровождался очаровательными букетами роз, долгими прогулками по ленинградским дворам, хриплыми испанскими песнями о любви под гитарный аккомпанемент и бокалом Ркацители — того самого молодого грузинского вина. Наш роман в итоге остался почти платоническим, но он стал для меня толчком к эмиграции и посвящению себя научной деятельности. Мне по-прежнему не очень хорошо удается останавливаться на мелочах, и у меня редко получается отличить конкретное от неопределенного. Но эти угнетенные романские языки вели меня по дороге приключений и самопознания.

Судьбоносная для нее случайная встреча произошла в 1979 году в очереди за сушеной воблой в Коктебеле, в Крыму, неподалеку от темного с винным отливом моря. Подобное не могло бы произойти в каком-либо ином месте. В той очереди она повстречала стильного московского архитектора с золотистой бородкой. Его имя звучало как превосходный творческий псевдоним — Константин Бойм. После десятиминутной беседы он спросил ее, не желает ли она отправиться с ним в Америку. Остальное — уже история (и тема совсем другого рассказа). В конечном итоге она ответила «да», — не сразу, но вскоре. Через два месяца они зарегистрировали брак и инициировали процесс отказа от советского гражданства и получения выездной визы. Они сохранили свои фамилии — Бойм и Гольдберг — и независимые творческие личности. Переход от внутренней эмиграции к внешней воспринимался как продолжение, но на деле это был,

---

лектов Испании и Латинской Америки. Преподавал в Университете Буэнос-Айреса и Гарвардском университете в США.

28. Провансальский язык (*provençal, proençal*, также — лимузенский, *lemozi*) — язык коренного населения Окситании, южных территорий Франции, районов в приграничных зонах Испании и Италии. Его также принято называть «языком трубадуров».

скорее, прыжок веры. Внутренняя эмигрантка — та, которая дистанцируется, насколько это политически возможно, от обязательств и компромиссов с окружающим ее обществом и выкраивает для себя государство в государстве, порой даже настолько крошечное, как «кухонный салон».

Там она делится собственным иммигрантством с другими — с единомышленниками, на свой страх и риск. Границы этих государств в государстве неохранные и проницаемые, — но все же внутренняя эмигрантка движется в фарватере родного языка и своей страны (и отклоняется в сторону). Когда ты эмигрируешь за границу, в особенности из закрытого и консолидированного общества, то испытываешь шок от одной только мысли о том, что там — «заграница». В нашем случае было трудно поверить в то, что «Запад» не являлся банальным идеологическим или контркультурным конструктом; он в принципе функционирует по правилам другого языка. Мы хорошо знали пункт отправления, но не пункт назначения. «Запад» существовал для нас как пространство другого и как страна из кинофильмов. Наш фактический опыт не всегда соответствовал этим киносценариям. Из всех моих внутренних других именно Светка, испытывавшая отвращение к несправедливости и влюбленная в чужие жизни, решительно и быстро вознамерилась эмигрировать из Советского Союза. Процесс был унижительным и неприятным*.

Скрытый еврей, профессор испанского отделения (профессор Шаббес? Могли ли его звать так на самом деле?) попросил меня добровольно отчислиться из педагогического института с риском так никогда и не завершить высшее образование в Советском Союзе. В противном случае руководству пришлось бы проводить долгое общественное собрание, заклеив меня как изменницу Родины, что стало бы проблемой для всех. Я приняла решение оставить учебу «по семейным обстоятельствам». Через два года после моего отъезда папа оказался в центре небольшого показательного процесса на предприятии, где он трудился; его обвинили в воспитании изменницы Родины. Он был уволен с работы и снят с должност-

---

* В этом фрагменте автор переходит к повествованию от 3-го лица, что, по всей видимости, сделано для усиления эффекта отстраненности от описываемого.

сти председателя своего киноклуба «Кино и ты». Единственная должность, на которую ему удалось устроиться, — работа ночным сторожем на автостоянке, где он прочел множество зарубежных детективов и начал изучать английский язык.

После моего отчисления из педагогического института и последовавшей за ним подачи документов на эмиграцию я полтора года провела в советской неопределенности — не совсем *émigré*, не совсем отказник. Времена были напряженные. В период проведения Олимпиады в Москве повсюду появились улыбающиеся олимпийские мишки и менее улыбочивые крепкие милиционеры. В конце концов я получила выездную визу для отъезда на «постоянное место жительства» в Государство Израиль. Затем последовало несколько месяцев жизни в поселениях для беженцев в Австрии и Италии, и в итоге я решила отправиться в Соединенные Штаты Америки — и оказалась наконец в Бостоне, который, как я полагала, являлся американским городом-побратимом Ленинграда. На собеседовании в иммиграционной службе сотрудница сохранила имя моего мужа Константина Бойма, а мое — предложила изменить: «Никто в Америке не сможет выговорить ваше имя Светлана. Как насчет Сьюзен? — весело поинтересовалась женщина. — Его довольно просто выговорить». Я выбрала Сьюзанн, так как мне нравилась песня “I’m sorry Suzanne believe me <...> I’m sorry Suzanne forever...”²⁹ (Видимо, у него была веская причина извиняться, и я надеюсь, что Сьюзанн ему не поверила). Сотрудница иммиграционной службы улыбнулась мне и что-то вписала в мой бланк заявления иностранца-нерезидента. Придя Светой Гольдберг, я ушла Сьюзанн Бойм. Смена имени меня нисколько не опечалила.

Я вовсе не ощущала себя так, будто у меня украли мою идентичность. Я чувствовала себя освобожденной и надеялась создать себя с нуля. Со Сьюзанн вышла небольшая накладка. Какой-нибудь новый знакомец звонил по телефону и спрашивал: «Можно Сью к телефону?» «Вы ошиблись номером», — учтиво отвечала я. Мне нравилось мое новое американское имя, но я так и не привыкла на него откликаться. Сьюзанн принадлежала к числу моих самых ассимилированных американских «я». В течение первого своего года в Америке Сьюзанн непродолжительное время прослу-

---

29. Речь идет о песне *Sorry Suzanne*, записанной в январе 1969 г. на *Abbey Road Studios* и выпущенной в 1970 г., которую исполняла известная британская поп-группа *The Hollies*. Авторы песни — британский композитор Тони Маколей (1944) и британский композитор и музыкальный продюсер Джефффри Стивенс (1934).

жила секретаршей, устроенной на неполный рабочий день, в организации под названием *Matching Roommates*³⁰. Она отправилась в *Filene's Basement*³¹ и приобрела бело-розовую рубашку в клеточку с белоснежным воротничком, чтобы выглядеть как секретарша из рекламы какого-нибудь йогурта. Не так давно я снова оказалась в районе Даунтаун Кроссинг³² в Бостоне, где совершила свой первый американский шопинг. Там, где некогда располагался *Filene's Basement* — в самом центре Бостона, на границе между историческим центром и деловым районом, — красовалась зияющая в земле дыра, разверзнутая братская могила, где упокоится иммигрантский опыт погони за скидками. Офис *Matching Roommates* размещался в протекающем подвале в Брайтоне, и несмотря на то, что на собеседовании я сошла за добросовестную новоиспеченную американку, меня вскоре уволили — по той причине, что я не сумела купить своему начальнику правильный бутерброд с копченой индейкой и дижонской горчицей. Все, что я помню из этой истории: густые усы шефа, как в стихотворении Маяковского, которое я заучила в школе: «Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста», и прогнившую лавочку посреди зарослей высокой травы в Фенуэй Парке. Всякий раз, когда он отправлял меня из подполья на какую-нибудь специальную разведывательную миссию, я отдыхала на этой скамейке и читала купленный на распродаже экземпляр «Истории любви», блаженно забывая, какой именно соус желал получить мой шеф. Как бывшая обитательница коммунальной квартиры, я с недоверием относилась к подбору соседей и дижонской горчице. На моей следующей работе в Америке я трудилась с полной самоотдачей. Я стала помощницей по совместительству социального работника в Еврейской службе семьи и детей³³, которой было поручено работать с беженцами-кубинцами. Мне нужно было сопро-

---

30. *Matching Roommates* — букв. «Подбор соседей».

31. *Filene's Basement* — букв. «Подвал Файлена» — массачусетская торговая сеть, основанная в 1908 г. предпринимателем, филантропом и первопроходцем кредитных кооперативов Эдвардом Альбертом Файленом (1860–1937). С 2015 г. функционирует исключительно в качестве онлайн-магазина.

32. *Downtown Crossing* — торговый район в центральной части Бостона, в котором располагается множество лавок, ресторанов, кафе, баров, а также — крупные универмаги и торговые центры, некоторые из которых появились здесь в 1890–1910-е гг. В центре района находится одноименная станция метрополитена.

33. *Jewish Family & Children's Service*. Организация была основана в США в 1850 г. В деятельности этой гуманитарно-социальной структуры принимают участие сотни штатных сотрудников и тысячи волонтеров. Количество волонтеров постоянно увеличивается.

вождать их из приюта в Дорчестере в JFS³⁴ и в службу социального обеспечения, чтобы помочь им с поиском крова, пособиями и трудоустройством. Моя группа состояла из трех кубинцев: двух высоких братьев, которые все еще находились в состоянии шока или изумления после своего отъезда и курили достаточно много дури, из-за чего бывало весьма затруднительно их разбудить и убедить отправиться на собеседования — и все это с помощью моего советско-кастильского языка образца XIX столетия. Третий мужчина был невысок и проникновенен. Он сообщил мне по секрету, что он — опытный механик и полон решимости «преуспеть в Америке». Я все еще слышу неуверенные шаги трех мужчин за моей спиной, как будто я их пионервожатая. Они называли меня Сусана, а также, с почтением, — *Nue-tra Mae-tra*³⁵.

Нам зачастую приходилось понимать друг друга с полуслова. Само собой, я их так и не заложила, даже когда любезный социальный работник напрямую спросил меня, не под кайфом ли они. Ни в коем случае не становись доносчицей³⁶: вот что я твердо усвоила в Советском Союзе. Я лишь желала, чтобы они пришли в себя и не ставили под угрозу собственное благополучие. Очутившись в Управлении социального обеспечения города — знаменитом памятнике архитектуры брутализма³⁷, — я должна была сопровождать их и работать переводчиком-трикстером, выдумывая и приукрашивая их истории о многолетнем опыте работы на Кубе.

---

34. Вариант сокращенной аббревиатуры организации *Jewish Family & Children's Service*. В настоящее время официально используется аббревиатура JF&CS.

35. *Nuetra Maetra* — *усл.* «наш учитель», «наша учительница».

36. Здесь в оригинальном англоязычном тексте использовано выражение *never to be a snitch*.

37. Речь, вероятно, идет о здании Правительственного центра обслуживания (*Government Service Center*), возведенного под руководством знаменитого американского архитектора Пола Марвина Рудольфа (1918–1997). Комплекс считается недостроенным, так как часть изначально запроектированных объектов так и не была возведена. Среди известных правительственных зданий в Бостоне есть еще один знаменитый памятник брутализма — здание городской администрации Бостона (Бостонская ратуша), возведенное в 1963–1968 гг. на основе конкурсного проекта, выполненного под руководством профессора Герхарда Михаэля Кальмана (1915–2012) — американского архитектора и ученого немецкого происхождения. Бостонская ратуша является одним из символов города и нередко появляется в фильмах и других произведениях популярной культуры. Уступчатый ребристый фасад стал классическим примером послевоенного брутального модернизма и повлиял на мировую архитектуру официальных зданий того времени, в том числе в значительной мере — на советскую архитектуру.

Хоть я и была *Gringa*³⁸, но мы продолжали оставаться *compañeros de lucha*³⁹. Потом их перевели в какое-то другое место. Когда мы увиделись в последний раз, они подарили мне три булавки со стеклянными сердечками — зеленую, красную и синюю. *Por Nue-tra Mae-tra*⁴⁰. Английские булавки сломались, но стеклянные сердечки все еще у меня — где-то в моем неразобранном архиве. Прошли годы, и я стала иностранцем-резидентом и гордой обладательницей грин-карты (демонстрирующей левое ухо на фотографии, удостоверяющей личность) и, наконец, — гражданкой США. В глубине души я продолжаю оставаться иностранцем-резидентом, хотя нынче я являюсь совладелицей частного жилого дома и уже не признаю за свою ту прежнюю иммигрантскую волю к преодолению трудностей. Знаю, знаю. «Иностранец-резидент» — лучше звучит как поэтическая метафора, нежели как статус проживания. Поступление в высшее учебное заведение по направлению литературы было подобно возвращению домой. Оно предоставило мне не только альтернативу привычной иммигрантской ассимиляции, но и подлинный дом — мобильный — в мировой литературе. Когда в Еврейской службе профессионального обучения⁴¹, которая помогала расселять советских беженцев, меня спросили, подготовку по какому профилю я желала бы получить, я ответила, что хочу поступить в университет. В конце концов, именно возможность закончить университет — одна из причин, по которой я уехала. А до отчисления из института мне удалось проучиться всего три года. По какой специальности? — поинтересовался служащий. Философия, сказала я, или филология.

Для сотрудников иммиграционной службы это прозвучало как анекдот. В самом деле, очень практичное направление деятельности. Служащий сказал, что лучшее из того, что он может предложить, это прохождение трехмесячного интенсивного курса по набору текста, возможно, с элементами программирования. В ответ я хлопнула дверью. После

---

38. *Gringa* — распространенное жаргонное испанское выражение, которым называют женщин-иностранок в Латинской Америке, в настоящее время — вне зависимости от их расовой принадлежности, национальности и происхождения. Изначально это слово являлось обозначением любой чужой «белой женщины». Также выражение применяется к женщинам, являющимся носителями английского языка.

39. *Compañeros de lucha* — *исп.* братья по оружию, соратники по борьбе, товарищи по сопротивлению. Этот лозунг нередко появлялся на кубинских пропагандистских плакатах.

40. *Por Nue-tra Maetra* — *исп.* «для нашей учительницы».

41. *Jewish Vocational Services*.

этого я добралась на метро до Бостонской публичной библиотеки и провела там целый день, изучая университеты Бостона. Я поинтересовалась по поводу «грантов для меньшинств»⁴² для женщин-евреек, и мне вежливо объяснили, что евреям в Америке больше не нужна поддержка для получения университетского образования. Я также узнала, что существует такое понятие, как «дедлайн», и что он уже прошел. Не слишком обеспокоившись теми сведениями, которые я получила из официального источника, я решила просто пройти по отделам и постучаться в случайные двери. Бостонский университет был ближе остальных. Испытывая легкое волнение, я направилась к кабинету заведующего кафедрой современных языков. Сквозь щель в приоткрытой двери я с удивлением заметила молодого человека, сидящего закинув ноги на стол и читающего книгу о Бертолуччи⁴³. Несмотря на то что его весьма озадачили мои миграционные документы беженки и мои выписки из педагогического института, в которых перечислялось множество курсов по «военному обучению» и «практике медсестер гражданской обороны», он проявил непредвзятое отношение. Мы нашли общий язык, обсудив одну из тем, которая в чем-то была мне близка, — итальянский коммунистический кинематограф. В 1981 году испаноязычные советские беженцы все еще были редкой монетой, и я, вовсе об этом не подозревая, выглядела соответствующим образом, — одетая в свое бежевое пальто, с длинными прямыми волосами. Он предложил мне побеседовать с профессором испанского отделения в соседнем кабинете — Алисией Б. Я просто не могла поверить в открытость и доступность, которые я смогла получить без ка-

---

42. В тексте использовано словосочетание *minority grants (Grants for Minority Students)* — гранты для абитуриентов, поступающих в вузы и являющихся представителями различных меньшинств (прежде всего, этнических), предоставляемые в рамках реализации политики социальной справедливости (*social justice*). Как правило, в вузах США устраиваются отдельные конкурсы с заявками от представителей меньшинств, при рассмотрении которых учитываются также индивидуальные заслуги и способности каждого из поступающих (школьные оценки, высокие спортивные награды и достижения, участие в социальных и политических проектах и т. д.).

43. Бернардо Бертолуччи (1941–2018) — итальянский кинорежиссер, продюсер, сценарист, драматург, актер и поэт. Во многих его работах прослеживается последовательная линия противостояния консерватизму, фашизму, традиционным ценностям и солидарность с левой идеологией — в том числе коммунистическими революционными идеями. Создатель таких киношедевров, как «Однажды на Диком Западе» (*C'era una volta il West*, 1968); «Конформист» (*Il conformista*, 1970); «Последнее танго в Париже» (*Ultimo tango a Parigi*, 1972); «Мечтатели» (*The Dreamers*, 2003) и др.

ких-либо писем, связей, услуг, бартера или того, что по-русски называлось словом «блат» — то есть совокупности всего вышеперечисленного. Алисия оказалась еще более обворожительной. Красивая и загадочная писательница и ученая, польская беженка-еврейка из Аргентины. Я была несколько удивлена тем, что она общалась со мной на некоей разновидности испанского *vos sabes...*⁴⁴ XVI столетия... но я не подала виду и старалась изо всех сил. Она была в равной степени удивлена моими «удовлетворительными» оценками по сестринскому делу, но предпочла не обращать на это внимания. Она спросила меня, смогу ли я прийти завтра и провести занятие по курсу начального испанского языка. Мне хватило гонора, чтобы ответить «да». Занятие прошло нормально, языковые навыки оказались воспроизводимыми. Единственное, что я не смогла понять, так это то, почему студенты принялись обсуждать некую загадочную «больницу общего профиля», поскольку такого словосочетания, как «мыльная опера», в моем лексиконе еще не было. Кроме того, я и не подозревала, что существуют буквенные оценки, а не только привычные 5, 4, 3, 2, 1. Позднее на ознакомительном собрании в BU⁴⁵ итальянский профессор, имевший годичный стаж работы в американской системе образования, преподавал мне важный жизненный урок: «В американском вузе лучше не задавать вопросов. Иначе вы рискуете продемонстрировать воочию, как много всего вы не знаете». Супруг Алисии, видный исследователь французской литературы по имени Джеффри Мельман⁴⁶, оказался руководителем магистерской программы. Они приняли солимоново решение, сопряженное с наименьшим риском. Я стану преподавать начальный курс испанского языка, для чего будет вполне достаточно моего педагогического образования — с хорошим астурийским акцентом, — и смогу безвозмездно посещать занятия по магистерской программе за-

---

44. *Vos sabes* — исп. «видишь ли», «ты же знаешь», «знаешь ли», «помнишь», «понимаешь», «понимаешь ли» и другие аналогичные вводные сочетания.

45. BU — Бостонский университет — частный исследовательский университет, основанный в 1839 г. в Бостоне. В одном из крупнейших университетов в США обучается более 30 000 студентов. Профессорско-преподавательский штат насчитывает более 4000 сотрудников.

46. Джеффри Мельман (1944) — американский литературный критик, литературовед и преподаватель, специализирующийся на изучении французской литературы. Преподавал в таких высших школах США, как Йельский университет, Корнелльский университет, Университет Джонса Хопкинса. Профессор французской литературы в Гарвардском университете в Бостоне, автор множества научных трудов и публицистических статей.

очно. Это был тот самый момент, когда я подумала, что наконец-то пробилась. Я обрела свою подлинную родину — Четвертый Интернационал американских иммигрантов. Сейчас эта история кажется мне невероятной; подобное, скорее всего, не могло бы произойти сегодня, в условиях избыточной университетской бюрократизации. Иначе говоря, когда я заседаю в приемных комиссиях вместе со своими уважаемыми коллегами, то снова и снова прихожу к осознанию, что в наши дни мне, вероятно, не удалось бы поступить в высшую школу в крупном университете. Теперь, когда я принимаю участие в работе множества таких комиссий, я пытаюсь, скажем так, быть «пятой колонной» — давать возможность пробраться внутрь необычному и эксцентричному соискателю, не важно, иммигранту или нет, кому-то несовершенному, но вместе с тем оригинальному. (Тсс...) Итак, как только я начала обустраивать свой второй дом в Америке, работая преподавательницей испанского языка на полставки, я решила съездить за границу, — разумеется, в Испанию, чтобы изучать каталанский язык по специальной программе в монастыре в Пальма-де-Майорке. Сусана, студентка, изучавшая угнетенные иберийские диалекты, вновь собиралась в дорогу. В программу входил перелет туда и обратно «Спантаксом»⁴⁷, и я гордо предъявила свой новый «Проездной документ беженца»⁴⁸ на границе с США. В то время я все еще имела статус «иностранца-нерезидента». Тем не менее после приземления в Испании в аэропорту Баррахас⁴⁹ меня немедленно задержали и пригрозили депортацией. Мой «Проездной документ беженца» (со строчкой заглавными буквами на первой странице «Это не паспорт Соединенных Штатов Америки») выглядел подозрительно.

---

47. «Спантакс» (*Spantax S. A.*) — испанская авиакомпания, осуществлявшая пассажирские перевозки в период с 1959 по 1988 г. Название происходит от словосочетания «испанское авиационное такси» (*Spanish Air Taxi*). Компания была основана бывшим пилотом Родольфо Бэй Райтом (1910–2000) и бортпроводницей Мартой Эстадес Саез. Парк авиакомпании в лучшие времена насчитывал до 14 пассажирских лайнеров с турбовинтовыми двигателями марок «Дуглас», «Боинг», «Фоккер», а также реактивных — марок «Конвэйр», «Дуглас», «Боинг» и др. В 1988 г. компания прекратила свое существование после срыва сделки по приобретению активов фирмы кувейтскими инвесторами. Около 7000 пассажиров компании не смогли вылететь по своим рейсам.

48. *Refugee Travel Document*.

49. Международный аэропорт Мадрид-Баррахас имени Адольфо Суареса — крупнейший в Испании аэропорт, включающий четыре терминала. Комплекс был открыт в 1928 г. С 2014 г. носит имя герцога Адольфо Суареса (1932–2014) — первого демократического лидера страны, занимавшего пост председателя правительства Испании в 1976–1981 гг.

Советская еврейка, иммигрирующая в Америку с целью изучения каталанского языка, — этот концептуальный образ представлялся не слишком правдоподобным. Депортация и лишение гранта казались не очень-то привлекательными, так что я согласилась быть задержанной. Единственная загвоздка состояла в том, что авиакомпания позволила мне подняться на борт самолета. Соответственно, они обязаны были гарантировать мне въезд в страну. На ночь меня поместили в остекленное помещение в экстерриториальной зоне, а спать мне пришлось на неудобных стульях, но днем мне разрешили выйти в вестибюль, где продавцы любезно предложили мне бесплатные *churros con chocolate*⁵⁰ — в качестве милого добрососедского жеста. И вновь мой кастильский акцент очень пригодился, равно как и тоненький томик художественных произведений Хорхе Луиса Борхеса, который путешествовал вместе со мной. Я возлежала на трех неплотно составленных стульях в своей революционной тюремной камере в Барахасе, оставляя жирные шоколадные пятна на страницах вымышленной энциклопедии Тлена⁵¹. Улисс в юбке вернулся домой на свою *patria chica*, но ее приняли за ту женщину, которую прилюдно именовали Никем. Циклопа здесь не было — лишь вспыльчивый полицейский из аэропорта. На протяжении четырех или пяти дней литература помогала мне выжить, и я представляла себе, как эта неопределенность в аэропорту будет выглядеть через призму Тлена. Наконец, я додумалась до более практичного решения и разыскала своего профессора испанского языка из Бостонского университета, который преподавал в летней школе в Мадриде. Он любезно согласился явиться в качестве моего поручителя в полицейский участок и предоставить нечто под заголовком «Моральная оценка личности и поведения С.»⁵². Это звучало очень по-советски. Я до сих пор

---

50. Чуррос (*churros*) — традиционная испанская сладкая выпечка из заварного теста с последующей обжаркой. Форма чуррос в сечении может быть круглой, овальной или многогранной (в виде звезды). Чуррос, как правило, подают к завтраку.

51. Речь идет о вымышленной псевдоэнциклопедической статье, повествующей о таинственной стране Укбар из спекулятивно-фантастического рассказа «Тлен, Укбар, Орбис Терциус» (*Tlön, Uqbar, Orbis Tertius*), впервые опубликованного Хорхе Луисом Борхесом в 1940 г. В рассказе причудливо переплетены реальные и вымышленные события, а также действия реальных и вымышленных героев, часть из которых — современники Борхеса — мыслители, интеллектуалы, писатели и философы, а также исторические личности из минувших эпох.

52. *A moral evaluation of S' character and behavior.*

не знаю, что еще он сделал для меня, но наконец мне вкратце рассказали, как быть «законопослушной», нравственной гражданкой и путешественницей, а на моем «проездном документе беженца» была поставлена надлежащая печать и мне было дозволено ступить на испанскую землю. В Мадриде образца 1982 года не было абсолютно ничего от того красочного настроения Альмодовара⁵³, которое мы привыкли ассоциировать с урбанистическим бумом 1990-х годов. Спустя всего шесть лет после смерти Франко испанская столица показалась мне красивым, но мрачноватым восточно-европейским местом, где подозрительные коренастые мужчины нашептывали непристойности с превосходным кастильским акцентом, когда я прогуливалась по площади Пласа-дель-Соль. Я обживала тесное пространство балкона Мадриленьо⁵⁴, где вечно стоишь на цыпочках, на пороге, застряв в оконном переплете лицом к лицу с чугунным Сатурном. В целом мое возвращение на испанскую родину не увенчалось успехом. В школе по изучению каталанского языка я выделялась словно белая ворона — американка русского происхождения, которая едва ли могла позволить себе поехать вне дома. В то время как мои испанские профессора в Ленинграде мечтали вернуться в Испанию, местные жители хотели отправиться назад в СССР — тот, который существовал исключительно в испано-республиканских фантазиях их собственных родителей, — ностальгия, вполне объяснимая в период после франкистского вымарывания исторической памяти, но казавшаяся мне тогда странной. Америка же, напротив, воспринималась как рейгановская империя зла, и никто не мог взять в толк, зачем я отправилась из СССР в США. Но когда любопытство улеглось, студенты, съехавшиеся из разных каталаноязычных провинций стра-

---

53. Педро Альмодовар (Pedro Almodovar Caballero, 1949) — испанский режиссер театра и кино, сценарист, кинопродюсер, художник-постановщик, актер. Киноленты Альмодовара отличаются выраженной экспрессией приемов, яркими красками, насыщенной солнечной цветовой гаммой, а также — присутствием табуированной тематики эротического и религиозно-мистического характера. Широкую известность получили его фильмы, построенные на раскрытии гомоэротической эстетики и взаимоотношений разнообразных представителей ЛГБТ+ сообщества, широко представленных среди персонажей режиссера. Среди лучших фильмов Альмодовара такие, как «Саломея» (*Salomé*, 1978); «За что мне это?» (*¿Qué he hecho yo para merecer esto?*, 1984); «Все о моей матери» (*Todo sobre mi madre*, 1999); «Поговори с ней» (*Hable con ella*, 2002); «Тайная жизнь слов» (*The Secret Life of Words*, 2005); «Возвращение» (*Volver*, 2006); «Дикае истории» (*Relatos salvajes*, 2014), «Боль и слава» (*Dolor y gloria*, 2019) и др.

54. *Madrileño* — исп. мадридец, коренной житель столицы Испании.

ны, по большей части спорили между собой по поводу того, чей диалект — исконно каталонский, а чей — самопровозглашенный. Что первично и что подлинно? Кому предстоит воссоединять каталонские земли: Барселонцам? Валенсийцам? Меноркцам? Майоркцам? Кроме прочего, меня смущали мои финансовые ограничения, в связи с которыми я отказывалась от посещения многочисленных летних кафе. Я проводила время преимущественно в монастырском саду, читая великих каталонских философов Раймунда Луллия⁵⁵ и Хорхе Луиса Борхеса на политически некорректном государственном языке — кастильском испанском. Перед возвращением в США у меня случилась необычная встреча в мадридском парке, где я угощалась своими любимыми *churros con chocolate*, следы которых оставались на страницах Борхеса. Ко мне подошел молодой человек с косматой бородой и заговорил на испанском языке с необычным акцентом. «Почему ты не говоришь со мной на своем родном языке?» — прошептал он. Пауза. «Ты что боишься? Зачем ты скрываешься?» Я начала нервничать. «Yo soy Gallego, tu eres Gallega...». («Я — галисиец, ты — галисийка»). «Давай пообщаемся друг с другом нормально». Поразительно. Этот человек принял меня за свою! Он вовсе не был агентом КГБ с бутафорской бородой, преследовавшим Светлану Гольдберг во время ее поездки за границу. Нет. Меня, — Сусану, с моим основательным русско-астурийским “ese-s” приняли за испанку из соседней западной провинции. Сколько раз я мечтала стать испанкой на занятиях по изучению языка в Ленинграде и Бостоне? И наконец-то меня за нее приняли. Но именно в этот момент я решила не давать продолжения этому воображаемому причастию.

«Я американка, а не галисийка» — произнесла я, удивляясь сама себе. Я впервые осмелилась выговорить это: я —

---

55. Раймунд Луллий (*лат.* Raymundus Lullius, *кат.* Ramon Llull, 1235–1315) — средневековый каталонский философ, теолог, миссионер. Родился в городе Пальма-де-Мальорка, где впоследствии служил при дворе. Проповедовал христианство в мусульманских общинах в Африке. Неоднократно подвергался гонениям и преследованиям за свою подвижническую и миссионерскую деятельность. Погиб после побоев камнями на одной из городских площадей в Тунисе, где публично зачитывал строки из Евангелия. Попытки его канонизации встречали существенное сопротивление. Признан блаженным. Дни его памяти 29 марта — в Испании, 30 июня — у монахов ордена францисканцев. Раймунду Луллию нередко приписывают значительный корпус алхимических трактатов и исследований. Изучал арабский язык и активно применял его в своей миссионерской деятельности. Принято считать его одним из основоположников европейской арабистики.

американка. Я уже знала, что было бы лучше сказать «Я русская»). Повисла пауза непонимания.

«Я американка, — повторила я, — *Soy Americana*». Пауза. Еще пауза. Шипение. «*Hueles a Yanqui!*» («От тебя несет янки»).

(Спешу дополнить, что я влюбилась в Испанию запоздало — в 2009 году. С большим удовольствием объездила всю Каталонию. Я приняла участие в выставке *Historiar-Imaginar*⁵⁶, посвященной восстановлению испанцами исторической памяти о временах Франко, позабытых в ревущие девяностые, и подумала, что забвение в этой стране некоторым образом отражало мое собственное. Моя новая привязанность — это прочная и зрелая привязанность, которая практически стерла все неудачи этой суровой истории любви.)

Не сама по себе страна Испания, а именно литература как таковая — оказалась наилучшей родиной для иммигрантов, для нового иммигрантского интернационала. Да, я так и не научилась управлять автомобилем, но воображения у меня было в достатке и я обладала поэтическими водительскими правами⁵⁷. В 80-е годы американский университет оказался надежным убежищем для иммигрантов; он давал нам образовательные гранты и чувство приключенческой принадлежности. В свои первые, больше всего связанные с книгами годы в Америке я чувствовала, что живу по-настоящему. «Жизнь и смерть давно беру в кавычки, Как заведомо-пустые сплеты», — писала русская поэтесса Марина Цветаева. В своем исследовании, которое станет моей первой книжкой, я рассмотрела разнообразные личности, маски и глубинные «я», а также мифы о поэте — в жизни и смерти. Работа под заголовком «Жизнь и смерть в кавычках»⁵⁸ должна была стать моей первой книгой. Редактор издательства *Harvard University Press* посчитал это название слишком длинным и предложил убрать либо жизнь, либо смерть. В 28 лет название «Смерть в кавычках»⁵⁹ показалось мне более сексуальным, хотя на самом деле меня заводила именно

---

56. *Historiar-Imaginar* — *исп.* «История-Вообрази», «История-Представь» и т. п.

57. Игра слов. Английское слово *license* — это одновременно и «права» (водительское удостоверение, лицензия на осуществление какого-либо вида экономической деятельности и т. п.), и «вседозволенность», «вольность» — например, «поэтическая вседозволенность» (в контексте литературного творчества).

58. *Life and Death in Quotation Marks*.

59. *Boym S. Death in Quotation Marks: Cultural Myths of the Modern Poet*. Boston: Harvard University Press, 1991.

жизнь — распространение жизни в литературе и за ее пределами — в мире. Веря в силу идей, я всегда осторожно подходила к претворению текстов в жизнь или к созданию любых реди-мейдовых моделей трансцендентности. Поэтические рассказы являли собой образцовые эксперименты и трансформацию личности, которая перемещалась на территорию опасной пограничной зоны между жизнью и смертью и обратно. Когда мне было двадцать лет, я безрассудно путешествовала по миру, будто Дон Кихот, пытаясь извлечь литературные уроки. Я ходила, сверяясь с сюрреалистическим путеводителем по Парижу, и читала «Внутренний опыт»⁶⁰ Жоржа Батая и «Надю»⁶¹ Андре Бретона, сидя с одной маленькой чашечкой кофе в кафе «Бонапарт», — чашка в день — это все, что я могла себе позволить. Я пребывала в ожидании потрясающей экзистенциальной случайной встречи, пока местные парижане просто занимались своими повседневными делами за полными до краев *café au lait*⁶² и декадентскими десертами. Единственная «случайная встреча» у меня была с венгерским иммигрантом, который читал те же самые книги, но был еще беднее меня. Наш роман завершился тем, что он попросил меня купить ему бутерброд. И все же я не чувствовала себя сильно разочарованной. Сама жизнь была романом — не в смысле любви, а в смысле квеста. Моя первая молодость в Советском Союзе была прервана тягостным процессом эмиграции. Я надеялась наверстать упущенное в период моей второй американской молодости. В двадцать лет я вышла замуж за безрассудного архитектора, которого повстречала в очереди за пивом и воблой, но вместо обыкновенного брака мы с Константином создали уникальное партнерство с целью познания мира и самих себя. Мы стремились каждый год открывать для себя что-то но-

---

60. «Внутренний опыт» (*L'Expérience intérieure*) — программный труд французского писателя, философа и публициста Жоржа Батая (1897–1962), впервые опубликованный в 1943 г. Батай выступает в этой книге с радикальными теоретическими концепциями, включающими препарирование феномена модерна, конвенциональной теологической мысли, философии Декарта, Гегеля, Ницше и других мыслителей.

61. «Надя» (*Nadja*) — известный роман французского писателя, поэта и публициста Андре Роберта Бретона (1896–1966). Роман был написан и впервые опубликован в 1928 г. Вторая, расширенная и дополненная, редакция произведения появилась в 1963 г. Книга считается одной из важнейших вех в литературе сюрреалистического направления и входит в разнообразные списки лучших и обязательных к прочтению книг XX столетия.

62. *Café au lait* — фр. кофе с молоком. В настоящее время в Европе широкое распространение получило итальянское название этого напитка — кофе латте (*um. caffè latte*).

вое. Мы не желали ассимилироваться, подстраиваясь под образ жизни американского среднего класса. «Американская мечта» о маленьком загородном коттедже была нам чужда. Я помню, как читая Маркса в школе, мы с подружкой Кычей обнаружили два «класса» общества, которые считались особенно отвратительными и презираемыми в базисе марксизма-ленинизма; «социальная прослойка» интеллигенции (к которой принадлежали сами вожди) и люмпен-пролетариат, анархически бросивший вызов героическому труду. В соответствии с советской классовой системой я, несомненно, принадлежала к «интеллигенции» низкого пошиба, но стремилась быть люмпен-аристократкой, — ленинградской девочкой-денди. В Америке я хотела быть трудолюбивой и не сильно пьющей представительницей богемы, которая сможет себе позволить не страдать от голода, туберкулеза или эпилепсии, в отличие от персонажей романов XIX столетия. Позже я узнала, что многие из уцелевших представителей американской богемы, которых я повстречала в середине 1980-х годов, были детьми, живущими за счет трастовых фондов⁶³. На меня произвела впечатление исповедь Набокова о наслаждении изгнанием: «Перелом моей собственной участи дарит меня, в ретроспекции, обморочным упоением, которого ни на что на свете не променяю». Слово синкопальный⁶⁴, то есть обморочный, означает одновременно пропущенную долю в музыкальном произведении, задыхание и обморок; это понятие соединяет утрату контроля над собственным телом и витиеватую композицию. Синкопальная композиция заключалась в пронизывающем переживании, состоявшем только из чувственных подробностей — без синтеза, голово-

---

63. Трастовый фонд — передача собственности или активов в доверительное управление особому лицу в пользу третьего лица. Как правило, трастовый фонд, созданный родителями для детей, является особой формой передачи наследства, позволяющей защитить финансовые активы семьи от претензий третьих лиц и получить специальные налоговые условия, не распространяющиеся на прямое наследование. В оригинальном тексте использовано словосочетание *trust fund kids*, то есть обеспеченные взрослые люди, живущие за счет трастовых фондов, для которых работа может являться скорее развлечением, нежели источником дохода, необходимого для поддержания собственного уровня жизни.

64. В оригинальном англоязычном тексте Владимира Набокова в этой фразе использовано слово *syncopal*, от *syncop* — «обморок», «потеря сознания». В метрической музыке «синкопа» (англ. *syncopation*) — от др.-греч. *συνκοπή*, лат. *syncopa* — смещение акцента с сильной доли такта на слабую. Таким образом, синкопа — несовпадение метрического акцента (метр — рисунок равномерного чередования сильных и слабых долей) и ритмического акцента (ритм — последовательность во времени длительностей: звуков и пауз).

кружительном зависании в воздухе. Мне представлялось, что я плавно перенеслась в иммиграцию, словно Иван-дурак на своем ковре-самолете; сказки были почти готовы становиться былью — если бы я только могла оставить все воспоминания и пробелы в моем повествовании на том берегу. В отличие от жены Лота, меня не тянуло оглянуться назад. Я все еще так многого ожидала. Иначе говоря, все шло по плану, пока однажды, ориентировочно спустя шесть лет моей американской жизни, меня не стали посещать сновидения о России. Они приходили медленно, но верно, в то время как я почти ни с кем не общалась на русском языке.

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-3-126-153